

УДК 811.161.1
DOI 10.52452/19931778_2024_6_291

О ТИПАХ СЕМАНТИЧЕСКОГО СИНКРЕТИЗМА МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

© 2024 г.

М.В. Сандакова

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород
sandamarina@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.10.2024

Под семантическим синкретизмом (диффузностью) значений многозначного слова в статье понимается одновременное выражение (совмещение) двух или более значений в одном и том же контексте. Явление синкретизма, естественно обусловленное природой многозначности и проявляющееся в разных типах речи, составляет яркую особенность языка художественной литературы (не только поэзии, но и прозы). Настоящее исследование проводилось на материале текстов художественной прозы конца XX в. и XXI в. с использованием методов семантического и контекстуального анализа, с привлечением данных современных толковых словарей русского языка.

Рассматривается совмещение значений следующих типов: прямого и метафорического; прямого и метонимического; двух и более метонимических значений; метонимического и метафорического значений. Выявляются следующие структурные типы контекстов, в которых возникает семантический синкретизм слов определённых частей речи: 1) конструкции с однородными членами предложения, синтаксически связанными со сказуемым (синкретизм значений глагола); 2) конструкции сравнения (семантический синкретизм имени прилагательного, глагола); 3) конструкции с определениями, коррелирующими с разными значениями имени (синкретизм значений имени существительного).

Ключевые слова: семантический синкретизм, диффузность значений многозначного слова, лексическое значение слова, словарное толкование, прямое значение, метафора, метонимия, каламбур, художественный текст, контекст.

Феномен семантического синкретизма многозначного слова состоит в одновременном выражении (совмещении) двух или более значений в одном и том же контексте. В лингвистических исследованиях для его обозначения используются разные термины: *диффузность значений многозначного слова* [1; 2]; *синкретизм, синкретичное выражение разных значений многозначного слова* [3]; *совмещение значений* [4; 5]; *«содержательная» синкретизация* [6] и др.

На семантический синкретизм лингвисты обратили внимание в XX веке. С. Ульман отметил: «Оттенки значения бывают иногда слишком неясны и изменчивы, чтобы их можно было точно перечислить; не существует также чёткой границы между несколькими оттенками одного и того же значения или несколькими значениями одного и того же слова» [7, с. 32].

В отечественной лингвистике это явление первым описал Д.Н. Шмелёв в своих работах «Очерки по семасиологии русского языка» (1964) и «Проблемы семантического анализа лексики» (1973) [1; 2]. Д.Н. Шмелёв предложил для него несколько терминологических обозначений: «диффузность значений многозначного слова», «взаимопроницаемость значений», «совместимость значений».

В одних случаях границы между значениями вполне очевидны, в других – как будто размыты. «Семантическая структура целого ряда слов характеризуется тем, что отдельные значения, отчётливо отграничиваемые друг от друга в определённых позициях, в других позициях оказываются совместимыми, выступающими нераздельно» [2, с. 77].

Диффузность значений создаёт сложности при лексикографировании. Во-первых, возникает проблема размежевания единого семантического целого, которое представляет собой многозначное слово, на отдельные «участки» – словарные значения. Во-вторых, проблема распределения иллюстративных примеров по выделённым значениям: многие примеры могут быть отнесены сразу к двум (и более) значениям слова. Однако диффузность не препятствует адекватному пониманию слова, употреблённого в контексте, не делает высказывание двусмысленным (если нет специальной установки говорящего на каламбур).

На примерах ряда слов (*новый, земля, лететь* и др.) Д.Н. Шмелёв показывает, что во многих случаях контекст сам по себе не требует выявления границ между значениями. Так, для прилагательного *новый* в большом академиче-

ском словаре даётся 8 значений, среди которых: 'впервые созданный, недавно появившийся или возникший', 'следующий, очередной', 'относящийся к нашему времени; современный', 'нынешний, теперешний', 'вновь открытый, обнаруженный', 'пришедший на смену прежнему', 'не тот, что прежде, иной' и др. Д.Н. Шмелёв рассматривает контексты *Это новая книга?*; *На заводе появился новый мастер*; *Новая мысль возникла у него* и др. и задаётся вопросом: «Кажутся нам эти фразы чем-то двусмысленным? Конечно, нет. Можем ли мы со всей определённо-стью сказать, в каком из приведённых значений употреблено слово? По-видимому, тоже нет» [2, с. 94–95].

Д.Н. Шмелёв высказал идею, что «принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику» [2, с. 95].

О проблеме диффузности значений полисеманта размышляет в своей монографии А.И. Ольховская. Полемизируя с Д.Н. Шмелёвым, она приводит ряд аргументов. Воспроизведём один из них, связанный с анализом прилагательного *новый*: «...Тот факт, что мы не можем сказать о распределении значений со всей определённо-стью, объясняется не чем иным, как недостаточностью приведённых контекстов» [8, с. 26]. С точки зрения А.И. Ольховской, в случае достаточности контекста (вербального и ситуативно-коммуникативного) неопределённости бы не возникло.

Невозможно не согласиться с тем, что узкий контекст может послужить причиной двусмысленности. Однако диффузность обнаруживается и в более широком контексте. Продолжая приведённый пример, поместим слово *новый* в высказывания, которые лексически, синтаксически и ситуативно достаточны: *Новая книга А. Варламова уже появилась в магазинах*; *Из своей прежней старой квартиры они, наконец, переехали в новую квартиру в новостройке*. Очевидно, что и здесь прилагательное также соотносится одновременно с несколькими словарными значениями.

Итак, широкий контекст не всегда является обязательным условием снятия «неопределённости» соответствия употребления слова его словарным значениям. Покажем это на примере слова *работа*. Приведём фрагменты словарных статей слов *работа* и *работать* по «Большому толковому словарю русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова (БТС).

Работа:

«1. Только ед. к *Работать*.

2. Обычно с опр. Вид деятельности, труда; круг занятий, обязанностей. / О какой-л. форме принудительного труда как средстве наказания.

3. Только мн., обычно с опр. Производственная деятельность по созданию, обработке и т. п. чего-л.

4. Труд, занятие как источник заработка; служба // Место службы.

5. То, над чем работают, что подлежит обработке, находится в процессе изготовления.

6. Продукт труда, готовое изделие, произведение...» [9, с. 1054].

Работать:

«1. Заниматься каким-л. делом; трудиться...» [9, с. 1054].

Приведём примеры употреблений слова *работа* в контекстах: *Все замуж выходят – и я... Теперь понимаю: не умела любить. По настоящему любила одно – свою работу. Работа – моё божество. Мой кумир. Мой наркотик...* (И. Грекова. Перелом. 1987) [НКРЯ]. На наш взгляд, употребление в этом контексте соответствует словарным значениям 1, 2, 4.

... *Попросился в тихое место, в квартиру из четырёх комнат. Власти города к писателям относились с непритворной любовью, я быстро переместился на новое место, и, истосковавшись по столу, набросился на работу. Много сделал за короткое время и далеко уже «въехал» в «Царь-рыбу»...* (В. Астафьев. Затеси. 2000) [НКРЯ]. Употребление соответствует значениям 1, 2, 5.

– *Для меня работа с натуры – благодать. Лепишь человека, общаешься, и даже если не знаком с ним, тут же начинаешь узнавать, улавливаешь характерные черты... А деда я слепил на втором курсе, он, со своими медалями, на электричке приезжал мне позировать* (Литературная газета. 04.03.2020). Употребление соответствует значениям 1, 2.

Как видно из этих фрагментов, в широком контексте проявление диффузности значений вполне естественно. Более того, в художественном произведении именно контекст служит средой возникновения семантического синкретизма, о чём далее пойдёт речь.

В некоторых исследованиях чётко разграничивается каламбурное и некаламбурное совмещение значений. Различия между ними подчеркнул Ю.Д. Апресян. Каламбур представляет собой специальный стилистический приём, который построен на обыгрывании двух (или более) значений слова, причём «внимание привлекается сразу к двум чётко обособленным значениям» [3, с. 181]. К явлениям диффузности Ю.Д. Апресян относит только некаламбурное совмещение значений. Например, фразу *Инквизиция боролась с еретиками* можно понимать и в том смысле, что субъект борьбы добивается искоренения ереси, и в том смысле, что добива-

ется физического уничтожения еретиков, см. [3, с. 181].

Анна А. Зализняк предлагает различать четыре типа некаламбурного совмещения значений: «склеивание», «сплав», «мерцание» («осцилляция»), «принцип тернарной семантики» (со ссылкой на Т.М. Николаеву), см. [4, с. 25–27].

Другие авторы, рассматривая каламбур как совмещение значений, акцентируют внимание на шутовском, комическом характере каламбура. Такое понимание следует из определения В.З. Санникова: «... Каламбур – это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов...» [10, с. 57]. О «каламбурной двусмысленности», основанной на полисемии (как об одном из приёмов диалогии), пишет В.П. Москвин. Ср. пример из его работы: *Блестящая защита вашей обуви* (Реклама крема для обуви) [11, с. 210–212].

З.Ю. Петрова не противопоставляет каламбурное и некаламбурное совмещение значений на том основании, что «степень юмористической/неюмористической окраски контекста зачастую определить достаточно трудно, в частности, у ряда современных поэтов» [5, с. 608].

Предмет данной статьи – описание семантического синкретизма в текстах художественной прозы конца XX в. и XXI в.

В художественном тексте возможности проявления семантического синкретизма многозначного слова значительно расширяются. Язык художественной литературы в его эстетической функции обладает образностью и семантической многоплановостью. В.В. Виноградов обратил внимание на то, что в художественном тексте происходит расширение смысловой структуры слова, его обогащение «художественно-изобразительными «приращениями» смысла» [12, с. 114].

Семантическую трансформацию слова на материале поэтических и прозаических текстов исследовал Л.А. Новиков. Сравнивая употребление слова в обычном, «стандартном» языке и в языке художественной литературы, он писал: «В значении слова, рассматриваемом в эстетическом (поэтическом) аспекте, можно вскрыть как бы несколько слоёв или напластований» [13, с. 42]. Эстетическая функция языка находит проявление в том, что выражаемые словом смыслы становятся многоплановыми, происходит «игра» прямых и переносных значений. «Семантика языковых единиц в их поэтической функции, в художественном тексте характеризуется часто не постоянными, а подвижными, «колеблющимися» признаками...» [14, с. 496].

Для понимания художественного слова во всей его семантической ёмкости и многослойности необходимо одновременно удерживать в поле зрения несколько выражаемых смыслов, что требует от читателя творческого восприятия текста [14, с. 494–502], или, по выражению В.В. Виноградова, «“сотворчества” читателя автору» [15, с. 15].

Типы совмещённых значений многозначного слова, выступающих в одном контексте

В текстах современной художественной прозы встречаются совмещения значений различных типов у слов, разных по частеречной принадлежности. Приведём несколько примеров.

1. Совмещение прямого и метафорического значений

... *Разговор стих, будто и не начинался, так что всем троим стало ясно: идея скрасить прогулку необязательным трёпом себя исчерпала минут пять назад. От Зои отстали. И в переносном смысле, и в буквальном – опять на шаг-другой* (А. Виноградов. Кофе на троих).

Прямое значение: «1. Задержавшись, двигаясь медленнее других, остаться позади» [9, с. 762]. Метафора: «8. Разг. Перестать надоедать, приставать» [9, с. 762] Их совмещение подчёркивается авторским комментарием (*и в переносном смысле, и в буквальном*).

2. Совмещение прямого и метонимического значений

За спиной генерала проходила его армия, а он смотрел на сидевших у костров. Они по-прежнему не двигались и смотрели, в свою очередь, на генерала. На то, как перебирала ногами его лошадь, как изредка подрагивал её круп. Гнедая лошадь на глазах становилась белой. Белым становился генерал – шинель, башлык, поводья в руках. Лицо тоже было белым. Никогда они ещё не видели такого белого генерала (Е. Водолазкин. Соловьёв и Ларионов).

Прямое значение: «1. Цвета снега, молока, мела (противоп.: чёрный)» [9, с. 70]. Метонимия: «6. В первые годы Советской власти: действующий или направленный против Советской власти, контрреволюционный (противоп.: красный, революционный)» [9, с. 70]. Контекст романа задаёт каламбурную игру прямого цветового с метонимическим политическим значением, поскольку герой повествования Ларионов – генерал белой армии.

3. Совмещение двух (или более) метонимических значений

Он почти уже дотянулся до водосточного желоба, когда справа на уровне его колена рас-

пахнулось окошко... Выснулась **шестимесячная завивка**, просипела в листву: «Никого... там нету...» (В. Аксёнов. Московская сага).

Существительное в словосочетании *шестимесячная завивка* обнаруживает три метонимических значения: словарное значение «Завитые волосы, причёска, сделанная завиванием волос» [9, с. 313], а также возникающие в контексте «голова с завитыми волосами» и «женщина с завитыми волосами», последнее из которых коррелирует с предикатом *просипела*.

4. Совмещение метонимического и метафорического значений

*Приехали ночью на нескольких машинах, облили стены бензином, разбили окна и бросили внутрь бутылки; полыхнуло люто, мгновенно. А что заявили бандой – так это объяснимо: в банде ответственность размыта, если действуешь один – грех на тебе, и только на тебе, а если вас десять **рыл** – так и грех делится на десятерых, не столь страшно* (А. Рубанов. Человек из красного дерева).

Номинация *рыло* в качестве метонимического обозначения человека образуется по модели переноса *часть – целое*. Этот перенос происходит на метафорической основе: *рыло* – «2. То же, что лицо (в 1 знач.) (прост. бран.)» [16, с. 846]. Благодаря такому совмещению, достигается выразительный эффект уничижительной характеристики участников преступной группы.

Структурные типы контекстов, в которых возникает семантический синкретизм слов определённых частей речи

Как известно, многозначное слово в контекстном окружении выступает в одном из своих значений. Причём, как подчёркивал Д.Н. Шмелёв, «контекст не показывает, а обуславливает то, что в каждом случае выступает то или иное значение слова» [2, с. 94].

В то же время контекст не всегда может «воспрепятствовать» проявлению диффузности даже в обычной речи. В художественном произведении контекст создаёт богатейшие возможности для реализации семантического синкретизма. При всей индивидуальности семантических трансформаций слова в его эстетической функции, можно выделить несколько структурных типов контекстов, задающих семантических синкретизм многозначных слов.

Как пишет Г.С. Сырица, в языке поэзии способность слов к созданию семантической многоплановости, «в первую очередь, предопределена их лексико-грамматической характери-

стой» [17, с. 130]. Это наблюдение справедливо и для языка художественной прозы.

Рассмотрим три типа контекстов, которые создают условия для синкретизма слов определённых частей речи.

1. Конструкции с однородными членами предложения, синтаксически связанными со сказуемым

Конструкции такого типа в риторике рассматриваются как зевгма. Как известно, сущность этой стилистической фигуры состоит в том, что в перечислительный ряд однородных членов предложения включаются логически разнородные компоненты, причём «неоднородные слова-понятия относятся к одному и тому же ядерному многозначному слову, которое... реализует одновременно два или несколько разных значений» [18, с. 130–131]. В.П. Москвин описывает каламбурную зевгму, ср.: *Шёл дождь и три студента* [19, с. 126–127].

В художественном тексте в конструкции с однородными членами совмещение значений обычно происходит у глагола. С глаголом-сказуемым могут быть согласованы несколько подлежащих, значение каждого из которых семантически коррелирует с соответствующим значением сказуемого. Например:

*Всё время, пока **шёл** парад, а затем крестный ход, море бушевало и натворило немало бед* (Н. Свечин. Ледяной ветер Суоми). Словосочетание *крестный ход* (метонимия: *люди, идущие в крестный ход*), выступающее в роли подлежащего, связано с исходным значением глагола: «1. Двигаться, передвигаться, ступая ногами» [9, с. 375]. Существительное *парад* – с значением «12. Иметь место, происходить, совершаться» [9, с. 375].

К предикату могут относиться также зависимые от него второстепенные однородные члены:

*Он и своему другу Тароцину заповедал: только в Сбербанк – самое надёжное место... Однако судья Тароцин с тех самых пор **вкладывал** свои капиталы только в книгу Цицерона «Избранные речи»* (М. Москвина. Роман с Луной). Автор прибегает к каламбурной игре между двумя значениями глагола *вкладывать*: «класть, помещать внутрь чего-либо» (исходное значение) и «помещать, инвестировать (о денежных средствах)» (вторичное значение).

*Шикарный мужчина – дантист... покидал сцену. Покидал в манере шикарно-мужской: сперва он **бросил** дорожную шубу к её ногам и только потом саму Зою, уже в шубе* (А. Виноградов. Кофе на троих). Сказуемое *бросить* проявляет семантический синкретизм. Прямое значение «1. Заставить переместиться по воздуху, упасть (усилием руки)» [9, с. 98] соотносит-

ся с объектом, обозначающим неодушевлённый предмет; метафорическое: «10. *Кого-что*. Покинуть, оставить кого-, что-л.; отказаться от кого-, чего-л.» – с объектом, обозначающим лицо [9, с. 98]. Контекст также имеет каламбурный характер.

2. Сравнительные конструкции

Одна из конструкций семантического синкретизма – конструкция сравнения. Совмещение значений при сравнении, характерное для поэтических текстов, как это показано в работе З.Ю. Петровой [5], встречается и в художественной прозе.

Сравнение обычно состоит из трёх элементов: предмет сравнения (А), образ сравнения (В), основание сравнения – лежащий в основе сравнения общий признак (С). «В классическом случае сравнение трёхчленно (А сходно с В по признаку С)» [20, с. 355]. Например, во фразе *Капли росы сверкают, как бриллианты* предмет сравнения (роса) уподобляется другому предмету (бриллианты) по общему признаку сходства (блеск).

Образное сравнение обычно сопряжено с выражением высокой степени признака или явления, ср.: *В бою он сражался, как лев* (то есть очень храбро); *Он глуп, как баран* (то есть очень глуп). В.М. Огольцев подчёркивал, что «субъективное усиление, или гиперболизация... является источником повышенной выразительности, экспрессивности сравнения-уподобления» [21, с. 46]. Об «экспрессии усилительности» [22, с. 318], реализуемой сравнением, пишет Г.Н. Складарская.

В обычной конструкции признак, лежащий в основе сравнения, является у сопоставляемых объектов единым:

Иван могуч, как богатырь.

Иван могуч – богатырь могуч.

В сравнительной конструкции с синкретизмом слово, называющее основание сравнения (прилагательное или глагол), обозначает сразу два признака, выражает два значения. Приведём пример синкретизма значений имени прилагательного. Ср.:

Юра растёт пустой, как бамбук.

Юра пустой – ствол бамбука пустой.

Пустой: «б. Несерьёзный, легкомысленный, духовно ограниченный (о человеке)» [9, с. 1047] – *пустой*: ‘полый внутри’ (о предмете).

Ср. у Ю. Полякова: *Разбирая мои шмотки, маман всё поняла, расстроилась и раскричалась, мол, за эти замечательные вещи заплачены немалые деньги, которые они с отцом не печатают, зарабатывая героическим трудом, а я расту **пустой**, как бамбук, и скоро весь этот восхитительный комплект будет мне мал и достанется по наследству брату Сашике...* (Ю. Поляков. Узник пятого волнореза). В

контексте у прилагательного сначала «прочитывается» метафорическое, а затем прямое значение. Признак обретает два плана, «двоится», что подчёркивает высокую степень его проявления и усиливает образность.

Ср. также синкретизм значений глагола. *Взрывать*: ‘возмутить, взбудоражить, вызвать проявление сильных эмоций’ (о компании) – ‘произвести взрыв’ (о петарде). *Иван умел быть всяким: и покладистым, и мягким, и излишне деликатным, но тут, налетев как ветер – жизнерадостный, свежий, петербургский, своим душевным напором, решительностью, яростным темпераментом и подвижными огненными глазами сразу задал компании настрой, **взорвал** её, как праздничная петарда притихшее ночное небо, расшевелил, воспламенил, вырвал из пут одиночества, порождённого окончанием «Аргениды»* (П. Алешковский. Арлекин).

При сравнении возможно оживление привычной стёршейся метафоры, восстановление её двуплановости. Например, значение глагола *волноваться* «2. Приходить в волнение, в тревожно-беспокойное состояние» [16, с. 107] (о человеке) – это метафора, утратившая в языке образность. В сравнительной конструкции, благодаря взаимодействию с прямым значением «1. Приходить в волнение» [16, с. 107] (о море, поле и др.), метафорическое значение восстанавливает мотивационную связь с прямым, вновь обретает образность. Например:

Катя волнуется, как озеро, как поле.

Катя волнуется – озеро волнуется, поле волнуется.

Ср. у А. Варламова: *Я только видел, что она страшно **волнуется**. Это волнение ощущалось во всём. Она **волновалась**, как **волновалось** Бисеровское озеро после семи часов утра, как **волновалось** купавинское поле, когда дул западный ветер, то есть я хочу сказать, целиком, полностью, каждой травиночкой, былиночкой, колоском* (А. Варламов. Одсун).

Встречается синкретизм индивидуально-авторской метафоры с прямым значением:

*Давняя новоафонская история постепенно забывалась, ведь жизнь постоянно кидает нас из огня да в полымя, и воспоминания **выцветают**, как застиранный ситец* (Ю. Поляков. Узник пятого волнореза). В сравнении воспоминания *выцветают* – застиранный ситец *выцветает* метафорическое значение глагола ‘теряют яркость, блёкнут, стираются’ является индивидуально-авторским.

*За три года я написал три политических романа: «Листопад», «Спад», «Сад», – ожидался четвёртый, и я **спускался** в него, как в скважину* (З. Прилепин. Чёрная обезьяна).

Спускаться как ‘погружаться, углубляться в творческом процессе’ – также несловарное значение. Аналогично: *Нестерпимо хотелось поиздеваться, услышав **вязкий**, как зубная паста, и даже зубной пастой, казалось, пахнувший голос* (З. Прилепин. Чёрная обезьяна).

Во всех приведённых выше примерах в контексте сначала раскрывается переносное значение, затем, после сравнительного союза, к нему присоединяется прямое. Таким образом, обычно происходит уподобление явления из ментальной, духовной сферы явлению физического мира. Сравнения «обратного» направления, когда физическое уподобляется нефизическому, материальное нематериальному, встречаются реже. Например:

*Но через мгновение Бандера, боднув отца твёрдой головой в спину, уронил его в соседнюю лужу. Усевшись ему на спину, Бандера тыкал отца в самую жижу... <...> Бабушка, боясь притронуться к любому из мужиков, с притом становилась то на пути Бандеры, то на пути Дудая. Они стремились оттолкнуть её и снова достать **грязного**, как грех, отца сапогом по рёбрам, а лучше по голове* (З. Прилепин. Витёк).

3. Конструкции с определениями, коррелирующими с разными значениями имени

В таких конструкциях происходит совмещение разных значений имени существительного.

Существительные с локативной семантикой в языке обычно образуют метонимические переносы по модели: *место – люди, находящиеся в этом месте*. Ср.: *Зал был полон* (прямое значение) – *Зал рукоплескал* (метонимическое значение).

В художественных произведениях встречаются такие употребления, когда слова *дом, зал, город, деревня, площадь* и др. совмещают оба значения. Это определяется корреляцией семантики имени с семантикой атрибута и предиката.

Разные определения могут относиться к разным значениям имени. Например, в следующем контексте определения *выметенная, освещённая* описывают *столицу* как место, *сытая* – характеризует людей: *Коренной житель **десяти-миллионной, сытой, чисто выметенной, ярко освещённой, хорошо охраняемой столицы**, он не мог до конца понять кровожадной страсти к деньгам и лучшей жизни, испытываемой мною, его подзащитным* (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет).

Прилагательные в предикатной функции также могут соотноситься с обоими значениями, например: *Зал не полон – Зал рассеян*. Ср.: *Мы уже разговаривали с ним запросто; он цепко, скорым взлядом оглядывал зал, который был далеко **не полон, полупуст, рассеян**, и мое-*

го собеседника едва ли кто признавал в лицо (З. Прилепин. Герой рок-н-ролла).

Если прилагательное (причастие), в зависимости от семантики, может определять то и другое значения имени, то глагольное сказуемое обычно бывает семантически соотнесено с его прямым локативным значением. Например: *Низкие дворики стояли прямо у дороги* (прямое значение) – *крикливые дворики* (метонимия). Ср. в тексте рассказа М. Симоньян: ***Крикливые низкие дворики лепились** к булыжникам трамвайных путей от рынка почти до самого городского вокзала* (М. Симоньян. Крысы).

А также: ... *Расстрелянный мужичок в год-а ми не чистившемся пиджачке цвета ржи, выдающем в нём вчерашнего третьего секретаря отдалённого от столицы райкома, скачет впрыска по перекрытой центральной улице с аккордеоном в атласных лентах, а за ним **заливает** всю **ошалелую площадь** нарядная тьма казаков с казачатами в одинаковых белых папах, и ошалелее всех таращит на них бетонные очи трёхметровый крошащийся Ленин* (М. Симоньян. Подсолнухи); *Семнадцать лет назад Герман Неволин **приехал в совсем другой город – просторный, приземистый, неспешный, заросший** тихо дичающей зеленью...* (А. Иванов. Ненастье).

Совмещение значений происходит и у собственных имён – топонимов: *шататься по Москве* (о городе) – *шальная Москва* (о людях). Ср.: *Я хорошо помню чувство, с каким мы с Катей **шатались по шальной Москве** в первые дни после путча и глядели, как загулявший, жаждущий продолжения митинга народ собирается на Старой площади...* (А. Варламов. Одсун).

Выявленные структурные типы не исчерпывают всего многообразия контекстов, создающих условия для совмещения значений.

Заключение

Тексты современной художественной прозы позволяют наблюдать разнообразные явления и закономерности, связанные с феноменом семантического синкретизма многозначного слова: зависимость семантических трансформаций слова от его частеречной принадлежности; разнообразие комбинаций типов сочетающихся значений (прямого значения с метафорическим и метонимическим, вторичных значений друг с другом); взаимодействие между узуальным и индивидуально-авторским значениями; оживление стёршихся языковых метафор; каламбурное сближение значений; возможность возникновения синкретизма в контекстах определённых структурных типов и др.

Список литературы

1. Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2003. 244 с.
2. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. Изд. 2-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. VIII, 472 с.
4. Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
5. Петрова З.Ю. К вопросу о совмещении значений слова в поэтическом тексте // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. № 7. С. 607–622.
6. Пименова М.В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.
7. Ульман С. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология [Пер. с англ. Е.С. Турковой] // Новое в лингвистике. Вып. II / Сост. В.А. Звегинцев. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 17–44.
8. Ольховская А.И. Полисемия как проблема общей и словарной лексикологии: Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 456 с.
9. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. 1536 с.
10. Санников В.З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 58–69.
11. Москвин В.П. Риторика и теория коммуникации. Виды, стили и тактики речевого общения. Книга 2: Выразительные средства языка: тропы и фигуры (технология усиления речи). Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2024. 368 с.
12. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.
13. Новиков Л.А. Значение как эстетическая категория языка // Новиков Л.А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: Изд-во РУДН, 2001. С. 37–55.
14. Новиков Л.А. Основы семантики // Новиков Л.А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения. М.: Изд-во РУДН, 2001. С. 341–651.
15. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 2005. 287 с.
16. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник». 2008. 1175 с.
17. Сырица Г.С. Филологический анализ художественного текста: Учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2023. 344 с.
18. Сковородников А.П. Зевгма // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / Под ред. А.П. Сковородникова. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 130–132.
19. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2006. 376.
20. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XV, 896 с.
21. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 192 с.
22. Складаревская Г.Н. Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / Отв. ред. И.В. Зыкова, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2020. С. 311–326.

**TYPES OF POLYSEMANTIC WORD'S SEMANTIC SYNCRETISM
(ON THE MATERIAL OF MODERN NARRATIVE LITERATURE)**

M.V. Sandakova

The semantic syncretism (diffuseness) of the polysemantic word's meanings is understood in the paper as the simultaneous expression (combination) of two or more meanings in the same context. The phenomenon of syncretism being an outstanding feature of the belles-lettres (both poetic and narrative) literature naturally results from the polysemous nature and manifests itself in various types of speech. The present study is carried out on the material of the late 20th and 21st centuries narrative literature. The methods of semantic and contextual analysis are employed, the data of the modern Russian language definition dictionaries are used.

The combination of the following types of meaning are described: direct and metaphorical, direct and metonymical, two or more metonymical meanings, metonymical and metaphorical meanings. The following structural types of contexts (in which semantic syncretism of definite parts of speech appears) are singled out: 1. The constructions with the homogeneous parts of the sentence which are syntactically connected with the predicate (syncretism of the verb's meanings). 2. The constructions of comparison (semantic syncretism of the adjective and the verb). 3. The constructions with the attributes which correlate with the different meanings of the nominal (syncretism of the noun's meanings).

Keywords: semantic syncretism, diffuseness of the polysemantic word's meanings, word's lexical meaning, dictionary definition, direct meaning, metaphor, metonymy, pun, narrative literature, context.

References

1. Shmelev D.N. Essays on the semasiology of the Russian language. Ed. 2. M.: KomKniga, 2003. 244 p.
2. Shmelev D.N. Problems of semantic analysis of vocabulary. 2nd edition, stereotype. M.: KomKniga, 2006. 280 p.
3. Apresyan Yu.D. Selected works. V. I. Lexical semantics. Synonymous means of language. Moscow: School «Languages of Russian culture», Publishing company «Oriental Literature» RAS, 1995. VIII, 472 p.
4. Zaliznyak Anna A. Russian semantics in a typological perspective. M.: Languages of Slavic culture, 2013. 640 p.
5. Petrova Z.Y. On the question of combining the meanings of a word in a poetic text // Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language. 2016. № 7. P. 607–622.
6. Pimenova M.V. Lexico-semantic syncretism as a manifestation of formal and meaningful linguistic asymmetry // Questions of linguistics. 2011. № 3. P. 19–48.
7. Ulman S. Descriptive semantics and linguistic typology [Trans. by E.S. Turkova] // New in linguistics. Issue II / Comp. V.A. Zvegintsev. M.: Publishing House of Foreign Literature, 1962. P. 17–44.
8. Olkhovskaya A.I. Polysemy as a problem of general and vocabulary lexicology: Monograph. M.: FLINTA: Science, 2015. 456 p.
9. Large explanatory dictionary of the Russian language / Chief ed. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2001. 1536 p.
10. Sannikov V.Z. Pun as a semantic phenomenon // Questions of linguistics. 1995. № 3. P. 58–69.
11. Moskvina V.P. Rhetoric and theory of communication. Types, styles, and tactics of speech communication. Book 2: Expressive means of language: tropes and figures (technology of speech enhancement). Ed. 2. M.: LE-NAND, 2024. 368 p.
12. Vinogradov V.V. Problems of Russian stylistics. M.: Higher school, 1981. 320 p.
13. Novikov L.A. Meaning as an aesthetic category of language // Novikov L.A. Selected works. V. II. Aesthetic aspects of language. Miscellanea. M.: PFUR Publishing House, 2001. P. 37–55.
14. Novikov L.A. Fundamentals of semantics // Novikov L.A. Selected works. V. I. Problems of linguistic meaning. M.: PFUR Publishing House, 2001. P. 341–651.
15. Vinogradov V.V. On the theory of artistic speech. M.: Higher school, 2005. 287 p.
16. Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words / RAS. V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language. Ed. by N.Y. Shvedova, M.: Publishing Center «Azbukovnik». 2008. 1175 p.
17. Syritsa G.S. Philological analysis of a literary text: Textbook. M.: FLINTA, 2023. 344 p.
18. Skovorodnikov A.P. Zevgma // An encyclopedic reference dictionary. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings / Ed. by A.P. Skovorodnikov. M.: Flint: Science, 2005. P. 130–132.
19. Moskvina V.P. Expressive means of modern Russian speech: Tropes and figures. General and particular classifications. Terminological dictionary. M.: LE-NAND, 2006. 376.
20. Arutyunova N.D. Language and the human world. M.: Languages of Russian Culture, 1999. I–XV, 896 p.
21. Ogoltsev V.M. Stable comparisons in the system of Russian phraseology. M.: LIBROCOM Book House, 2015. 192 p.
22. Sklyarevskaya G.N. Metaphor and comparison: logical, semantic and structural differences // Language, culture, creativity: Global learning practices. Collection of scientific articles dedicated to the 90th anniversary of Professor Veronika Nikolaevna Teliya / Ed. by I.V. Zykova, V.V. Krasnykh. M.: Gnosis, 2020. P. 311–326.